

В
4-349

А. ЧЕГЛОК

ПО АВСТРАЛИИ

РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

ПЯТКОХОД

ИЗД-ВО ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА МОСКВА-1925-ЛЕНИНГРАД

Пров. 1969

4-349

ПЯТКОХОД

41023

1967-68 г.

OKS-114345
ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА
CP-1947642

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТСИД~~

664931 Кх-ред.

Российская государственная
детская библиотека

11166

Главлит 25.883.

Тираж 5.000.

Тип. Изд. МГСПС „Труд и Книга“. Б. Якиманка, 32.

4-349

— Ах, мистер, вы все-таки решаетесь итти один?—воскликнул Джон, слуга гостиницы.

— Что же мне делать, если вы не могли найти мне проводника,—ответил я.

— Но где же я достану, если вокруг нас на десять или пятнадцать миль кругом вы не сыщете ни одного человека.

— Тогда я, значит, должен итти один!

— Уверяю вас, что это очень и очень опасно. Вы не знаете, что такое наш скруб.

Не дальше, как вчера, к нам добрался один господин еле живой, который два с половиной дня блуждал по скрубу, пока, наконец, не выбрался из него и доплелся до нас!

Жаль, что вы не видели его. Он больше был похож на мертвого, чем на живого человека: глаза белые, губы синие...

Как дошел до постели, так и бухнулся в нее, не раздеваясь, в грязной одежде, в башмаках...

Вчера спал почти целый день не просыпаясь, ночь тоже проспал и теперь еще спит.

Я уже несколько раз ходил посмотреть,— не умер ли он!.. Нет, дышит!

Счастье его, что набрел на нашу гостиницу, а то рвали бы его тело теперь динго ¹⁾).

Опасно ходить по нашим скрубам! Зайдете и не выберетесь оттуда. Есть у вас, по крайней мере, компас?

— Да, конечно. Вы напрасно так беспокоитесь за меня. Я человек бывалый, и хотя по вашему скрубу еще не бродил, но потоптал изрядно пески Сахары своими ногами.

— Я вижу, что у вас подходящая одежда, особенно ваши русские сапоги. Славная штука для скруба. В них ноги останутся целы! Через них колючки не пройдут.

— И против колючек и против воды они хорошо защищают,—добавил я.

¹⁾ Динго—австралийские одичалые собаки.

— Да, все у вас очень хорошее: и одежда, и алюминиевые бутылки для воды и термосы...¹⁾ Одно только жалко, что белые не придумали такого аппарата, который бы мешал им путаться в скрубе.

Черные имеют этот аппарат, только не знаю, где он у них находится: в голове или в пятках? Ни один из них никогда и нигде не заблудится, а ведь дурачье набитое!

А у нас наоборот: чем больше учен, тем скорее собьется с дороги...

— К сожалению, вы правы,— улыбнулся я.— Вместе с жизнью в больших городах и оторванностью от природы, человек теряет не только способность находить дорогу, но и многое другое...

— Вот оттого-то я и боюсь за вас! Уж если наши здешние не могут выбраться из скруба, то вам запутаться в нем еще легче.

— Не беспокойтесь за меня! Я вряд ли в первый день отойду больше, чем 5-6 миль.

¹⁾ Особые стеклянные бутылки—двойные, в которых очень долго может сохраняться как горячее, так и холодное.

— Разве это мало? В скрубе можно заблудиться и на расстоянии одной мили от нашей гостиницы.

Впрочем, вечером, если вы не вернетесь к 6 часам, я начну стрелять из ружья.

— О, вы очень добры,—сказал я, запиная в свой мешок провизию и взваливая его на спину.

— Надеюсь, что я не доставлю вам беспокойства. До свидания!—добавил я и вышел из гостиницы.

Скруб начинался не более, как в полуверсте от гостиницы, я перешел полянку и через пять минут уже был возле него.

Еще в Европе я много читал про эти заросли из низкорослых деревьев и кустарников, занимающих целые десятки верст и представляющих непреодолимые преграды для прохождения через них.

Я знал, что в скрубе погиб не один десяток упрямых смельчаков, желавших пройти через него по прямой линии, а не делать крюк. И большинство из них погибло не от голода или жажды, а от полного истощения

сил в борьбе с упрямой колючей стеной, кругом замыкающей перед ними простор бесплодных мест, на которых не могли расти даже неприхотливые растения скруба.

Подъезжая к западной Австралии, я уже на пароходе решил, что непременно возьму с собой чернокожего проводника, чтобы не только быть уверенным в своем возвращении из скруба, но также и для того, чтобы собирать от дикарей сведения о животных и растениях скруба.

Оказалось, что я приехал слишком поздно для того, чтобы пользоваться услугами дикарей.

В 1914 году их было так мало, что увидеть их возле европейцев оказалось гораздо труднее, чем австралийских зверей.

Вымирание туземцев происходит очень быстро. Даже на так называемых станциях, или, вернее, поселках, в которых австралийское правительство селит туземцев и заботится о них, стараясь приучить их к оседлой жизни,—угасание племени является ответом на эти запоздалые хлопоты.

В западной Австралии я видел туземцев, одетых в пиджаки и крахмальные воротнички. Но на мои расспросы, где же можно найти черных кочевников, мне неизменно отвечали:—там, в скрубе, внутри материка, где мало белых...

А там, где было мало белых, мне говорили, что черных можно найти на станциях, т.-е. в их поселках.

Короче сказать, мне не пришлось ходить с черными проводниками не только в западной, но и в восточной Австралии.

Не лучше обстояло дело и с проводниками из белых. Белые были люди занятые; отрываться от своего дела им было нельзя, да и большинство из них совсем не знало ни жизни скруба, ни лесов.

И вот первая моя прогулка по скрубам должна была быть совершена в одиночестве.

Мне было досадно и неприятно вовсе не из-за страха.

Я за свои скитания по белу-свету привык относиться недоверчиво к людям, кото-

рые хотят вселить страх в других, и много боролся с этим позорным и гадким чувством.

Я узнал, что воображаемый страх хуже действительного.

Все оказывалось не таким страшным, как воображала трусость.

У страха глаза велики,—говорит правдивая русская пословица.

Известно, что как большинству мужиков, так и большинству ученых не знакомо чувство страха.

Мужик спокоен даже перед лицом смерти.

Так же спокоен и ученый, когда совершает дело, сопряженное с опасностью для его жизни.

Ни скрубы, ни пустыни, ни отсутствие воды не устрашали исследователей, задававшихся целью исколесить вдоль и поперек Австралию и изучить ее.

Если один погибал, не доведя до конца свое намерение,—по его следам шел другой, третий...

Настойчивость побеждала ужасный скруб, пустыню, страх, смерть, и в результате поверхность Австралии была исследована.

В Австралии нашли так много интересного, что многочисленные ученые и теперь продолжают заниматься исследованием ее почвы, растительного и животного мира.

Западная Австралия наиболее пустынна.

Здесь не только нет роскошных тропических лесов ее северной части, но даже и эвкалиптовых деревьев здесь очень мало, и они заменяются чахлыми, низкорослыми деревцами и кустарниками скруба.

Западная часть—пустыня, наиболее безводная и бездождная.

Тем не менее, ошибочно было бы заключать, что поэтому в ней мало интересного.

Разнообразие растений в ней гораздо большее, чем в восточной Австралии—более богатой дождями и водой.

Точно так же есть в ней интересные птицы и звери, которые не встречаются в восточной Австралии.

Особенно интересен из зверей так называемый пяткоход, или медвед. Этот зверек немного больше мыши, живет в кустарниках и питается, подобно пчелам, нектаром

цветов, который он высасывает своим длинным языком. Не брезгает он и мухами, бабочками...

Зверек этот попадается людям очень редко: ночной образ жизни и малая величина делают его незаметным, а днем тот же малый рост позволяет ему скрываться между листьями и сучьями от хищников как четвероногих, так и пернатых.

Я, конечно, не рассчитывал, что мне выпадет счастье встретить пяткохода.

Немногие даже из местных охотников видали этого редкого зверька, а мои расспросы о нем устанавливали полную противоречивость их показаний. Одни говорили, что их много, другие — что их очень мало, а большинство даже не знало, что в их местах водятся пяткоходы.

Но если я не имел никакой надежды встретить пяткохода, то все же для меня был интересен скруб и все, что я мог там встретить.

И вот я вступил в него.

Начинался он с низеньких кустиков, стоящих редко друг от друга, какой-то красивой травы, которая раскидывала свои длинные, узкие, как у осоки, листья правильным полушарием.

Вон какие-то странные желтые цветы, вроде султанов, на кусте, напоминающем наш гальник, а вон такие же цветы, только красные, но на кустарнике вроде сосны... Дальше густой куст колючей акации, мимо которого я осторожно ступаю, чтобы пощадить мои сапоги; а вот плешинка... там дальше еще такая же чистая... Кустарник становится гуще, выше; плешины без всякой растительности попадают реже. Я уже несколько раз вытаскивал кинжал и разрубал им сучья, чтобы облегчить себе проход. Здесь весь рост идет не вверх, а в стороны, и поэтому ветки кустарников перекрещиваются между собой у самой земли. Это обстоятельство не дает возможности отогнуть ветки в сторону ни рукой, ни ногой. Борьба с такими препятствиями была бы для меня слишком изнурительна, и поэтому я предпо-

читал обходить, где возможно, такие густые заросли.

Кустарник нигде не достигал еще высоты моего роста, и поэтому мне была видна серая крыша гостиницы.

До самого обеда я с большим удовольствием ломился сквозь чащу сруба.

Правда, животный мир был беден — я не встретил ни одного зверька, да и трудно было бы встретить в такой чаще.

Здесь даже собаки или барана нельзя было бы заметить в двух — трех шагах.

К тому же шум, который я производил треском ломаемых веток, предупреждал всех живущих в нем о приближении двуногого чудовища.

Несколько раз я слышал птичий писк, но сами птицы не взлетали, а предпочитали скрываться в надежной густоте ветвей.

Но если животный мир прятался от меня, то растительный был перед моими глазами, и я с любопытством разглядывал дикие кусты и травы австралийского скруба.

Я никак не ожидал, что здесь будет так много цветов. И цветов самых странных, самых необыкновенных, как по своему строению, так и по оттенкам.

К одиннадцати часам дня мои ноги устали. С большим трудом мне удалось найти кустарник, который бы хоть немного скрыл меня от полуденного солнца.

Благодаря термосу я с удовольствием поел горячего кулешу из гречневой крупы.

Из другой бутылки напился горячего чая, съел три прекрасных австралийских яблока и со свежими силами после двухчасового отдыха повернул обратно к гостинице.

Она уже давно перестала быть видной, но не потому, чтобы скруб был выше меня, а из-за неровности почвы.

Я торопился притти туда пораньше.

Скруб от меня не уйдет, я еще буду лазить по нем, а тот человек, который блуждал по нем, может уйти, и я не поговорю с ним, а было бы интересно расспросить его, как он блуждал по скруб.

Эти мысли заставили меня ускорить шаги, и к пяти часам вечера я уже был дома.

На веранде сидел крупный мужчина с одутловатым лицом и воспаленными глазами.

— Добрый вечер, — приветствовал я его.

Добрый вечер, — ответил он, с удивлением разглядывая мою фигуру.

А, наш натуралист пришел, — воскликнул Джон. — Вы не заблудились (в нашем скрубе, как мистер Вильямс? Это хорошо! Я сейчас вам приготовлю чаю.

Спасибо, я переоденусь и приду сюда, — ответил я.

Через несколько минут я сидел за столом возле мистера Вильямса и спросил его:

— Как вы чувствуете себя, мистер?

— Благодарю, теперь ничего. Отоспался и отдохнул.

— Но вы еще пробудете здесь денка два—три, чтобы окончательно поправиться?

— Нет, завтра утром пойду. Я и так потерял много времени в этом проклятом

скрубе,—угрюмо пробормотал мистер Вильямс.

— Не можете ли вы мне рассказать, как вы заблудились? У вас не было компаса?

— Зачем компас, когда в западной Австралии почти никогда не бывает туч и дождя, а солнце жжет, как в аду!

— Да, но компас гораздо правильнее и точнее указывает направление.

— Э! Дело не в компасе, а в проклятой виски¹⁾. С ней и с компасом заблудишься.

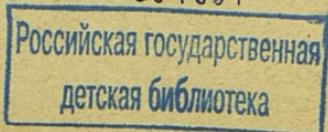
Пошел-то я хорошо, направление верное взял, только на привале—или меня солнце разморило, или я виски глотнул больше, чем следует—только потом, как начал я колесить, забрался в самую чашу скруба—ни назад, ни вперед,

Выпил я еще немного для храбрости, да от этой храбрости в такой густой куст залез, что рвался, рвался из него, да так и заснул в нем стоя.

Проснулся я ночью, ничего не могу понять—где я и что со мной? Темно, ветки

¹⁾ Водка.

664931

колют, тело и ноги трясутся, а динго¹⁾ проклятые так и надрываются от воя — хотят сожрать меня. Выпалил я из револьвера — разбежались они, замолчали.

— Рано хороните, поголодайте еще немножко, — сказал я, а сам думаю, — а, пожалуй, и впрямь попаду к ним на закуску. Мостился, мостился я, — наконец, раздвинул ветви и попробовал сесть.

Ноги-то совсем затекли, только и сидеть на ветках не сладко.

Начал я в темноте хоть кусочка чистого места искать, чтобы лечь, как следует.

Вспомнил, что спички со мной были.

Чиркнул одну, другую... нашел небольшое место — все валежником сухим покрыто.

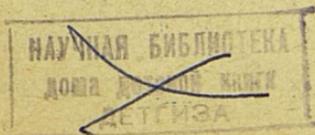
— Э! — думаю, — разведу огонь — веселей будет. Развел большой огонь и заснул.

Проснулся утром, когда светло стало.

Хоть освежил меня сон, а все-таки внутри у меня все горит...

Полез я в сумку, рука по привычке вместо воды бутылку с виски взяла. Швыр-

1) Одичавшие собаки.

нул я ее в кусты.—Ты, проклятая, все надделала,—смотреть мне тогда сделалось противно на нее.

Глотнул я воды, и так хорошо, приятно мне стало.

Как это я виски вчера глотал вместо воды?

Даже противно подумать о ней стало!

Одна бутылка на погибель меня повела, а пил бы из другой — все хорошо было бы!

Стал я думать, куда же мне идти? Как выбраться из скруба?

Какое направление взять? Вчера шел на северо-восток, и пойду и сегодня туда же.

Отрезал ломоть хлеба и пошел. Целый день продирался через скруб. Думал — вот, вот выберусь из него. И чем больше ходил по нему, тем все страшнее становилось.

Провизии нет, вода кончилась, а жажда мучила.

Слышал я, что черные добывают воду из корней эвкалипруса. Вытянут из земли корень, наломают его и поставят в кувшин; с него вода и стекает.

Говорят, — хорошая, вкусная. Попробовал и я дергать коренья — ничего не вышло. Пососал их — горькие, как хина.

Начал срывать листья — жесткие, сухие... Так связали мне рот, что долго закрыть не мог.

Совсем плохо мое дело, устал так, как никогда на самой трудной работе не уставал. Сначала-то не думал о том, что силы беречь нужно, помил напролом, а в скрубе руками приходится больше работать, чем ногами.

Потом большую я ошибку сделал, что не отдыхал за целый день.

Все думал, что вот выберусь на чистое место и там отдохну. Уж очень скруб мне неприятен стал.

Точно лес какой заколдованный: иду, иду, а кругом все заросль да заросль.

И все мне казалось, что я по одним и тем же местам прохожу...

До самого вечера шел и не выбрался на чистое место.

— Э! — думаю, — видно, пропадать мне тут!

Повалился я на землю, да от большой усталости сон меня одолел, и заснул я.

Не знаю, сколько часов я спал, только проснулся я от холода: значит, время к утру подходит.

Развел я огонек, отогрелся. Рассвело.

Что же,—думаю,—пойду опять колесить по скрубу, пока не упаду от усталости.

Пить хочется смертельно, внутри точно огнем жжет, это все от проклятой виски.

Язык распух, губы потрескались...

Вспомнил Европу — там утром росой с листьев можно напиться, а здесь сухо, сухо...

Пошел опять бродить, — последние силы тратить.

Только мало их у меня оставалось. Пройдешь немного и остановишься отдыхать.

Сердце бьется так, как будто на крутую гору всходишь, и голова начинает кружиться.

И это утро я уже ни о чем не мог думать. Пусто было в голове, никаких мыслей.

Раньше жалко было и страшно, что с голоду умру, а теперь и жизнь и смерть одинаковы стали.

Шел куда-то, как во сне.

Куда я шел, сколько времени, не могу ни вспомнить ни сказать. Все у меня как-то спуталось...

Остановился я дыхание перевести. Слышу слева лошадь заржала.

Подумал, подумал я и хотел опять продолжать свой путь, как вдруг она опять заржала. Повернул я влево и очень быстро из скруба вышел.

Увидел гостиницу и пошел к ней.

Если бы вчера нашел ее, то-то бы радость была.

А сегодня нечему радоваться было. Окажись гостиница шагах в ста—двести подалее—лег и не пошел бы в нее.

Даже пятьдесят шагов и то, пожалуй, не в силах был бы сделать.

Теперь мне даже удивительно, откуда у меня столько сил взялось?

Дай мне груды золота и то не согласился бы второй раз так мучиться!

— Но, вероятно, пошли-то вы через скруб не из-за груды золота?—спросил я.

— Конечно! Работы искать на золотых приисках в Кулгарди. Там груды золота добывают, только не во все карманы они попадают; ну, да мне немного нужно. Лишь бы на бутылку виски хватало. Выпьем, что ли, по стакану?

— Позвольте,—возразил я,— Вы только что ругали этот напиток и приписывали ему все свои бедствия, а теперь вновь желаете не только сами пить, но еще и меня напоить...

— Ну, тут не скруб, не заблудимся. До постели дойдем!

— Но я и в гостинице не хочу доводить себя до такого состояния.

— Только один стаканчик. За мое благополучное возвращение к кабакам и виски!

— Но я повторяю вам, что я не пью!

— Это совсем не хитро. Я вас научу.

— Хорошо, я согласен, только с одним условием. Я выпью виски, а вы должны проплясать русскую пляску!

— Я не умею.

— Вот видите, вы можете отказываться от того, что вы не делали раньше, а для

меня этого не допускаете. А я никогда не пил и никогда не буду пить.

— Понимаю! Предрассудки Европы. Господин натуралист не может водить компанию с простым рабочим,—обиделся на меня мистер Вильямс.

— Нет, это у вас дряхлый предрассудок Европы—создавать дружбу через виски.

Какая дружба в том, чтобы отравлять друг друга, чтобы доводить себя до скотского состояния.

Для меня человек велик своим человеческим достоинством, а уничтожать в нем это высшее достоинство и низводить его до бессмысленного состояния для меня представляется невозможным.

— В Европе пьяниц не меньше, чем здесь.

— Может быть, но я-то не хочу и не буду никогда пьяницей.

— Не хотите, я и без вас обойдусь!

— А я бы и вам не советовал пить! После такого истощения вам следует воздержаться от алкоголя.

— Для возбуждения аппетита перед едой.

— А вы думаете, что набить себе живот потуже—полезно для здоровья?

— Стану я думать о своем здоровье! Жив—ладно, умер—еще лучше! Кому я нужен? Одним кабатчикам!

Я только для баров (лавки, где продают спиртные напитки) и живу: заработал—пропил, а потом опять за работу, чтобы опять пропить.

Одно удовольствие — виски. Какая здесь жизнь? Что мы здесь видим? Скруб один, — махнул безнадежно рукой Вильямс, подошел к буфету и жадно выпил стакан виски.

— Что я вас хочу попросить, не дадите ли вы мне какого-нибудь маленького ножичка?

Вспомнил я, что у меня есть в сумке мышь из скруба. Хотел бы с нее шкурку содрать.

— Отчего же? С удовольствием, — ответил я. — У меня есть скальпели (хирургические ножи) и пинцеты (щипчики).

— Тогда дайте их мне, я попробую снять шкурку с этой мыши.

— А вы умеете снимать?—спросил я.

— То-то, что нет! Слыхал я, что многие снимают шкурки и продают их—вот и мне вздумалось снять. Очень забавным показался мне зверушка.

— Как он называется?

— Не знаю! В первый раз сам вижу! Посмотрите; может быть, узнаете, что за зверь,—сказал мне мистер Вильямс.

— Хорошо, я достану скальпель и приду в вашу комнату,—ответил я.

Пока я доставал скальпели и другие принадлежности для препарирования, Вильямс уже успел вынуть своего зверька и положить его на стол.

С первого же взгляда я узнал, что это был пяткоход, или медоед.

— О, вы достали хорошую добычу! Это редкий зверек. Вы получите за него хорошие деньги.

— Что вы? - удивился Вильямс.

— Да, не сомневаюсь в этом! А если бы вы могли продать его в Европе, то получили бы гораздо больше.

— Ну, сколько же? Сколько? фунта два? (фунт равен 10 рублям).

— Не могу определить вам цены, но предполагаю, что могли бы взять фунтов десять. Зверек этот редкий. Не всякому натуралисту удается увидеть его.

— Как же мне быть? Я не умею снимать шкурку. Испорчу, пожалуй!

— Я вам сделаю так, как нужно для ученых,—предложил я свои услуги.

Сначала берите чернила и напишите ему паспорт. Записывайте: *Tarsipes rostratus* — это его имя по-латыни.

Убит в Жильгай в Западной Австралии 18 февраля 1914 года, под 120 градусом восточной долготы и 31 градусом южной широты.

Общая длина от конца мордочки, т.-е. от носа до конца хвоста,— $17\frac{1}{2}$ сантиметров.

Длина туловища — $7\frac{1}{2}$, а хвоста — 10.

Цвет шерсти — серовато - кирпичный сверху.

По середине спины продольная черная полоса, а по бокам ее две светло-серые, к которым примыкают едва заметные темно-бурые.

Нижняя часть туловища светлая.

Хвост покрыт редкими короткими волосами.

Ноги короткие, тонкие, пятипалые, пальцы хорошо развиты, второй и третий палец задних ног сросшиеся. Большой палец без когтя.

— Это-то зачем писать?—перебил меня мистер Вильямс.—Может, покупатель не заметит.

— Тогда вы обратите внимание на это! Как два сросшихся пальца, так и отсутствие когтя на первом, есть признак медоеда. Его пальцы похожи на обезьяньи, большой палец может отходить в сторону от остальных, как у нас, и таким образом пяткоход обхватывает тонкие ветки, по которым он лазит.

По устройству ног его легко отличить от муравьеда, на которого он несколько походит по своему внешнему виду.

— А по-моему, он похож на нашу европейскую землеройку, только покрупнее ее, — вставил мистер Вильямс.

— Да, он походит на нее своей вытянутой мордочкой. Но вот смотрите, чего нет у землеройки, — сказал я и с этими словами захватил щипчиками язык пяткохода и далеко вытянул его.

— Своим языком он высасывает нектар из цветов, поэтому ему не особенно нужен широкий рот, и вот смотрите, какой он маленький у него.

Теперь запишите, что это самец, так как на животе у него нет сумки для вынашивания детенышей.

Ну вот, паспорт готов. Остается еще прибавить несколько слов о том, что мы найдем у него в желудке и кишках.

Но желудок вскрывается тогда, когда шкурка совсем снята.

А теперь, пока я буду снимать шкурку, вы мне расскажете, как вам удалось поймать этого зверька.

— Это произошло в последний день.

Пробирался я через колючки и наткнулся на гнездо. Ну, думаю, — может быть, яйца найду, будет чем хоть немного горло промочить и подкрепиться.

Гнездо большое и сверху сучьями прикрыто.

Начал я раздергивать его, чтобы увидеть, что в нем есть! Только что принялся за работу, а оттуда такой же зверек выскочил и вдоль ветки побежал.

От неожиданности я не успел схватить его. А немного погодя выбежал и другой.

И его бы я не поймал, да он добежал до первого и обратно к гнезду побежал, потом опять назад...

Тут-то я и схватил его.

Тем временем второй прыгнул на другую ветку, свернулся под нее и, как обезьяна, повис на хвосте, потом качнулся раза два и как прыгнет на другой куст. Я было за ним, да куда же побежишь по колючкам?

А он опять таким же манером перепрыгнул еще дальше и скрылся от меня.

Сначала я подумал, уж не обезьянка ли это?

Да вспомнил, что в Австралии обезьяны не водятся, и морда у нее мышиная.

Посмотрел я во внутренность гнезда.

Хорошо устроено, как у птиц или наших европейских сов: чашка глубокая и мягко устлана травками тонкими.

— Вы взяли это гнездо?

— Нет, зачем оно мне?

— Ах, как это досадно! Ведь и гнездо пяткохода представляет большую ценность для натуралистов.

— Разве я знал? Я его еще нарочно разрушил, думал, что это вредные мыши, — с сокрушением произнес Вильямс.

Через полчаса шкурка была снята, промазана мышьяковистым раствором и набита ватой.

В желудке у пяткохода, кроме нескольких жестких частей от насекомых, ничего не оказалось.

Да, так и должно было быть, — так как пяткоход питается ночью, а днем спит.

В то время, когда Вильямс его поймал, пища уже успела перевариться.

— Вот, — сказал я, подавая Вильямсу готовую шкурку, — ваша добыча. Вы недаром провели в скрубе три дня. Я уверен, что вы можете взять хорошие деньги за нее.

— Пять фунтов, говорите вы, или даже десять? — недоверчиво переспросил меня Вильямс.

— Не могу вам определить точно цены. Самое лучшее, узнайте сначала цену.

— Если даже и пять фунтов дадут, и то хорошо будет!

Благодарю вас за вашу услугу, — сказал он и крепко пожал мне руку.

Я оставался, еще долго в его комнате. Он рассказал мне грустную повесть своей

жизни, разбитые мечты об обогащении и обращение к вину, как к утешению от всех горестей жизни.

Я ушел от него поздно, с глубокой жалостью к нему и тысячам ему подобных, которые прибывают в Австралию с целью наживы и вместо приобретения золота теряют самое дорогое—теряют самих себя.

Так должно быть и так происходит всюду, во всех частях света!

Человек лишь тогда человек, когда он не отрывает себя от мира, а всю жизнь из всего, нас окружающего, из всех поступков своих и чужих, собирает нетленное богатство—богатство знания.

Глубокая народная мудрость русских хорошо это выразила в известной пословице: «век живи, век учись»; а дураком умрешь,—добавляет она, указывая этим на неисчерпаемую глубину тайн мира, который лишь по крупницам открывается человеку.

Тот человек, который закрывает глаза на мир и желает только богатства, создает себе гроб, все равно—деревянный или золо-

той, в который он и ложится при своей жизни.

Как Вильямс, так и ему подобные, искали в Австралии только денег.

Им совсем не интересна эта удивительная страна, которую многие упорно добиваются увидеть, чтобы изучить ее.

Но последние не ищут богатства. Оно само приходит к ним, потому что для этого богатства нужно иметь только открытые глаза и уши, и поэтому они всегда обогащаются. Где бы они ни находились: у себя на родине или в других частях света, они везде и во всем будут находить интерес и стремиться обогатить себя новыми знаниями. Даже тогда, когда внешняя жизнь не станет больше интересовать их, они могут обратиться к изучению самой большой, самой великой тайны вселенной—к изучению самих себя.

И эта тайна вновь пробудит в них пылкость духа и силу ума, чтобы добыть самое большое богатство всего мира—познание самого себя.

Рано утром ко мне постучался Вильямс.

— Я решил итти сейчас, — сказал он.

— Разве вы уже совсем окрепли? — спросил я.

— Да, теперь ничего! Я могу итти, — ответил он.

— Мне очень жалко, что наше знакомство с вами ограничилось только одним днем.

— И мне тоже. Вот поэтому я и хочу, чтобы вы взяли от меня на память шкурку пяткохода, — сказал он, протягивая ее мне.

Для меня это было так неожиданно, что я невольно взял ее.

Вчера этот человек так радовался надежде получить за нее несколько фунтов, а сегодня отдает ее прохожему, с которым он поговорил несколько часов.

И это делает человек, который ставит своей единственной целью добыть побольше денег.

Он это делает не под влиянием вина, а руководимый бескорыстным желанием сделать другому человеку удовольствие.

Я схватил его за руку и сказал:

— Спасибо, большое вам спасибо за вашу доброту!

b

ЦЕНА 15 коп.

100 =

Адрес издательства

Кузнецкий мост, 13. Тел. 4-82-73

Адрес магазина

Никольская, 12. Тел. 82-33

Центральный книжный склад

Лубянский пассаж, пом. 25—30

Тел. 3-45-04

29 июля 1942